

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ТРАГЕДИИ В. ШЕКСПИРА «ГАМЛЕТ» И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ

На основе подстрочного перевода автора статьи рассмотрен коррелят рефлексии Гамлета и идей предшественников европейского экзистенциализма: С. Кьеркегора, Ф. Ницше и Э. Гуссерля — с целью выявления ренессансного понимания философско-антропологических смыслов экзистенциального конфликта. Раскрыта шекспировская рефлексия интенциональности и перформативности мысли. Обоснован подход к переводу с сохранением категориально-грамматического смысла слов-понятий оригинального текста, целью которого является философский анализ позиции переводимого автора. Выведено образное оформление экзистенциализма в период Ренессанса, что подчеркивает уместность включения В. Шекспира в курс истории европейской философии.

Ключевые слова: экзистенциализм, конфликт, сущность, существование, выбор, перевод.

EXISTENTIAL CONFLICT IN SHAKESPEARE'S TRAGEDY "HAMLET" AND ITS INTERPRETATION IN TRANSLATION

Based on the author's precise translation, the article considers the correlation of Hamlet's reflection and ideas of the predecessors of European existentialism S. Kierkegaard, F. Nietzsche and E. Husserl in order to identify the Renaissance understanding of philosophical and anthropological meanings of existential conflict. It discloses Shakespearean reflection of intentionality and performativity of thought. The author substantiates the approach to translation with preservation of categorically grammatical meaning of words-concepts of the original text, the purpose of which is a philosophical analysis of the position of the translated author. The figurative arrangement of existentialism in the Renaissance period is derived, which emphasizes the relevance of Shakespeare's inclusion to the course of history of European philosophy.

Keywords: existentialism, conflict, essence, existence, choice, translation.

Терминологический статус экзистенциальный конфликт обрел под влиянием идей философии экзистенциализма в теории и практике сторонников экзистенциальной психотерапии [1], в исследованиях проблемы конфликта личности на материале художественной литературы [2] и в выделении особого вида внутриличностного конфликта в конфликтологии [3]. Как и любой иной конфликт, экзистенциальный конфликт представляет собой столкновение противоположных взглядов, интересов, стремлений, жизненных позиций.

Экспликация сущностных характеристик экзистенциального конфликта в специальном знании строятся на его понимании как неразрешимом столкновении между сущностью и существованием человека, что пронизывает все пласты культурных текстов, созданных человечеством, неизбежно требуя выхода в его рассмотрении за рамки специального социально-гуманитарного знания в сферу философии экзистенциализма.

Экзистенциализм, вполне сформировавшись как философское направление в XX в., став на несколько десятилетий самым популярным дискурсом в Западной Европе, понимается в истории философии как реакция человека и общества на кризис культуры, чреватый антропной катастрофой. Однако, несомненно, философия экзистенциализма имеет более глубокие основания, чем конкретная историческая ситуация переоценки ценностей и смыслов человеческого бытия, сложившаяся в Европе после Первой мировой войны и, как принято считать, положившая начало осмыслению индивидуального проживания человеком своего бытия. Выстраивание историко-философской традиции посредством ссылок на философию предшественников данного направления: С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Э. Гуссерля, — на наш взгляд, необходимо, но недостаточно.

Полагаем, что экзистенциализм как тип культурного сознания, актуализирующий неразрешимое противоречие между сущностью и существованием человека, имеет место во все кризисные периоды культуры. В частности, противоречие между сущностью и существованием представлено в кризисе элитарной гуманистической культуры Ренессанса, что нашло отражение в трагедиях В. Шекспира, чьи персонажи переживают мучительный экзистенциальный конфликт. Трагедии рубежа XVI–XVII вв.: «Гамлет» (1601), «Макбет» (1606), «Король Лир» (1606) — раскрывают философско-антропологические смыслы процесса саморефлексии персонажа от ее внутренних побудительных истоков, определяющих сущность человека, вплоть до трагического разрешения через его внешние деяния. Являясь и в наше время актуальным типом культурного сознания, экзистенциализм оформлялся совместными усилиями философии и литературы значительно раньше, чем это принято полагать в истории философии. Постараемся обосновать свою позицию, опираясь на некоторые идеи предшественников экзистенциализма и на оригинальный текст «Гамлета» В. Шекспира [4].

Рассмотрим в корреляте с монологом Гамлета три опорные в нашей работе идеи предшественников экзистенциализма: С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Э. Гуссерля. Прежде всего, это идея обнажения смысла существования в критической ситуации выбора у Кьеркегора, утверждавшего в рефлексии своих персонажей, что реальность не абстракция, а реальное индивидуальное существование, явленное в связи внутренних неповторимых переживаний [5, с. 471, 472]. Далее — идея Ницше о сведении мира в бытие человека: «Мир, взятый независимо от нашего условия, а именно от возможности в нем жить, который не сведен нами на наше бытие, нашу логику и наши предрассудки, такой мир, как мир в себе,

не существует» [6]. И, наконец, идея очевидности опыта сущего у Гуссерля и обнаружение очевидности интуицией. Наличие имманентного мира сознания, обращение к вещи, очищенной от словесных конструкций [7, с. 337]. Данные идеи вполне убедительно представлены в моделировании образа человека в творчестве В. Шекспира и определяют сущность экзистенциального конфликта, переживаемого его персонажами, в частности Гамлетом.

Эксплицируем указанные идеи, опираясь на их импликацию в монологе Гамлета, ссылаясь на оригинальный текст и подстрочный перевод, выполненный непосредственно автором настоящей статьи. Подчеркнем, что задачей нашего варианта подстрочного перевода была актуализация категориальных грамматико-лексических смыслов в оригинальном контексте. При этом, не будучи первостепенной задачей, художественность перевода намеренно подвергалась редукции. Таким образом, перевод-подстрочник выполнял методологическую задачу по актуализации смысловых ареалов эквивалентов переводимого слова, закрепленных в языке перевода. Данный подход дает право говорить о философском аспекте художественного текста, т. е. о представленности в нем идеи на уровне слова-понятия, что свойственно философскому тексту, в отличие от художественного текста, где слово являет свою образную природу.

Определив методологию, обратимся через раскрытие смысла внутреннего конфликта Гамлета к выявлению имплицитных основ экзистенциализма, обозначенных через два с половиной и более столетия после Шекспира в философских трудах Кьеркегора, Ницше и Гуссерля.

На примере монолога «Быть или не быть», имеющего в качестве коммуниканта собственное внутреннее «я», переживающее конструирование понимания себя и реального мира, рассмотрим идею Кьеркегора о корреляте реальности и индивидуального существования. Понимание реальности не как абстракции, а как реального индивидуального существования, явленного в связи внутренних неповторимых переживаний отдельного человека, не есть определение самого Кьеркегора, но вытекает из его произведений: «Или-или» (1843), «Понятие страха» (1844) и др. В центре произведений Кьеркегора — человек, ищущий разгадку своего существования в процессе саморефлексии, напряженного личного выбора, сохранения человеческого достоинства и принятия ответственности за свой выбор [5, с. 478].

На два с половиной века ранее, в 1601 г., Гамлет в одноименной трагедии Шекспира также ищет разгадку своего существования в ситуации бытийного выбора. Рефлексирующее сознание персонажа Шекспира, с одной стороны, предельно абстрагирует данное ему мироустройство. Это мир, как он есть для всех и вся, что подчеркнуто отсутствием грамматического «я» персонажа: внутренний монолог выстроен не на местоимениях I, me, my, но исключительно на местоимениях we, us, whos, who. Гамлет говорит не о себе, но о человеке в целом. Рождается идея обнажения смысла существования в критической ситуации выбора, много позднее обозначенная Кьеркегором.

Перед человеком вообще, а не только перед принцем Гамлетом, потерявшим в одночасье отца и трон, стоит проблема онтологического выбора, который неотвратимо подступает в критической точке индивидуального существо-

вания: «To be, or not to be, that is the question». Инфинитив глагола «быть», но не глагола «жить», не «to live», но «to be» выявляет, что этот вопрос не есть вопрос частного выбора датского принца, но вопрос смысла существования для каждого человека. И даже не вопрос, поскольку пунктуацией актуализировано утверждение выбора в критической ситуации, что подчеркивалось в шекспироведении [8, с. 457].

Шекспир не ограничивается предельным абстрагированием ситуации человеческого выбора, поскольку в судьбах участников трагедии максимально конкретизированы и море бедствий «a sea of troubles», и пращи, и стрелы неистовой фортуны «the slings and arrows of outrageous fortune». Горькую потерю отца переживает не только Гамлет, но Офелия, Лаэрт, Фортинбрас. Эти юные люди, только вступающие во взрослую жизнь, обнаруживающие свою сущность, также пребывают в состоянии экзистенциального конфликта между своей сущностью и вынужденным существованием в море бедствий. Им также приходится осуществлять свой главный жизненный выбор. Фортинбрас выбирает завоевательную войну, Лаэрт — слепую месть, Офелия — смерть. Все они совершают внешнее действие, что обусловлено доминированием полюса самоактуализации: все они переживают себя, свое положение, не переживая мир в целом. Отсюда быстрота их «action» — активной, непосредственной, без раздумий реакции ответного внешнего действия на событие. Гамлет пребывает во внутреннем ментальном действии — углубляется в рефлексии оппозиции «субъект — мир», в осмысление и проживание экзистенциального конфликта, отчетливо видя не только себя, но и мир во всех его бытийных пластах в целом с неизменной смертью в финале. «Who would fardels bear, To grunt and sweat under a weary life, but the dread of something after death» [4, с. 165]. — «Кто мог бы хрюкать и потеть под этой скучной жизнью, но этот ужас чего-то после смерти» (здесь и далее подстрочный перевод наш. — Л. Н.). В рефлексии Гамлета сплетаются плоть и дух, душа и тело. Ужас «неизведанной страны, из которой ни один путешественник не возвращался, запугивает волю и делает предпочтительным выносить те несчастья, которые мы имеем, чем улетать к другим, которых мы не знаем. Таким образом, совесть делает трусов из всех нас, и, таким образом, природный оттенок (цвет) решимости с болезненной бледностью бросает (швыряет) мысль и прерывает великую качку, и во мгновение с таким взглядом потоки событий поворачиваются вкось и теряется имя действия» (подстрочник).

Как видим, Шекспир уже в 1601 г., задерживая своего героя в состоянии рефлексии себя и мира, сделал новый в культуре мысли и мышления шаг в осмыслении коррелята «человек — мир» после «Книги Иова», «Исповеди» Августина, показав воздействие мысли на событие, на целые бытийные потоки событий. Бросок мысли Гамлета сродни броскам фехтовальщика во время смертельного поединка, к которому в финале автор и приводит своего героя. Критики, однако, долгое время не хотели видеть ничего в рефлексии персонажа, кроме задержки действия вследствие нерешительности Гамлета, упрекая персонажа в бездействию, а автора в раздражающей неловкости выстраивания драматической интриги [9, с. 271]. Шекспир же показал еще один путь выхода из экзистенциального конфликта, наряду

с теми, что выбрали Офелия, Лаэрт и Фортинбрас, — философскую рефлексию. Он не свел историю принца Датского к банальной безрассудной мести, суициду или воинским забавам, но показал осознанный экзистенциальный выбор.

Здесь становится актуальной уже идея Ницше о том, что «мир, взятый независимо от нашего условия, а именно от возможности в нем жить, который не сведен нами на наше бытие, нашу логику и наши предрассудки, такой мир, как мир в себе, не существует» [6]. Мир, понимание которого черта за чертой складывается в рефлексии Гамлета в целостную картину, есть мир, сведенный на его собственное бытие, бытие осиротевшего сына, преданного матерью, возлюбленной и друзьями. Мир, в котором для него закончилось беззаботное комфортное существование и открылись «the heart-ach and the thous and natural shocks that flesh is heir to» [4, с. 165]. Мир, в котором он пытается строить связи родства, дружбы, любви и убеждается в их иллюзорности. Дания — тюрьма, притом образцовая. Офелия, любимая им, «как сорок тысяч братьев любить не могут», предпочла его любви дочерний долг. Дядя — «кровосмесительный злодей», а мать — ей «имя — вероломство»! Круговорот жизни есть мрачная ирония Творца: от величия Александра Македонского к затычке пивной бочки! Все это не независимый, сам по себе взятый мир, но мир Гамлета, проживающего его вкупе и в связи с другими. Таким образом, и идея понимания мира, как она представлена у Ницше, включена в экзистенциальный конфликт шекспировского персонажа.

Обратимся к идее очевидности у Гуссерля [7, с. 337] и обнаружению очевидности интуицией. В трагедии наличие имманентного мира сознания Гамлета, поиск им сути вещей, очищенных от словесных конструкций. Что есть человек? Квинтэссенция праха. Мужчины и женщины равно ущербны по своей природе. Гамлет осмысляет человека даже не в просвете между бытием и небытием, как у экзистенциалистов, но соотносит его положение с состоянием агонии ерзающего в кольце смертной веревки давленника: «мы выерзывали из этой удавки» (подстрочник). Обнаруживается очевидность тотального страдания, невыносимого для человека, что делает его отнюдь не венцом творения, но превращает в «хрюкающее и потеющее» под бременем жизни существо. Обнаруживается очевидная конечность человеческого жизненного пути в неведомое. Ни один путешественник не возвращался из неведомой страны. При этом обнаруживается внутренний исток рефлексии — мысль, ум,

совесть, которые есть точка некоей ментальной духовной силы, меняющей направление человеческого действия.

Таким образом, три идеи предшественников европейского экзистенциализма оказались имплицитно представлены на два с половиной века раньше и, более того, в художественной форме философствования в ренессансном драматическом тексте, что лишний раз подчеркивает уместность включения В. Шекспира в курс истории европейской философии.

1. Ковалев В. Н. Экзистенциальные конфликты и принципы их разрешения с позиций учения В. И. Вернадского о ноосфере // ForPsy — Информационный психологический репозитив. URL: <https://forpsy.ru/works/publikatsii/kovalev-vn-ekzistentsialnyiy-konflikt> (дата обращения: 27.10.2019).

2. Лесевицкий А. В. Конфликт индивидуального и социального в экзистенциальной философии Ф. М. Достоевского // Политика, государство и право. 2013. № 8. URL: <http://politika.snauka.ru/2013/08/876> (дата обращения: 27.10.2019).

3. Индик У. Психология для сценаристов. Построение конфликта в сюжете. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. URL: http://indbooks.in/mirror7.ru/?page_id=219925 (дата обращения: 27.10.2019).

4. Shakespeare W. The Tragedies. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 352 с.

5. Исаев С. А. Этика отчаяния и веры (послесловие) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М.: Политиздат, 1990. С. 471–476.

6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Воля к власти // Дом книг: [сайт]. URL: https://dom-knig.com/read_390026-103# (дата обращения: 29.10.2019).

7. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 752 с.

8. Морозов М. М. Трагедия о Гамлете, принце Датском (подстрочный перевод и комментарии) // Избранные статьи и переводы. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1954. С. 331–464.

9. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 344 с.

© Нефёдова Л. К., 2019